

СВАХИНА ОЛЬГА ВИКТОРОВНА

**ФУНКЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ В ПОВЕСТЯХ
И. С. ТУРГЕНЕВА 1850-1870-Х ГОДОВ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург 2008

Диссертация выполнена на кафедре русской литературы
ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Щенников Гурий Константинович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Кубасов Александр Васильевич

кандидат филологических наук,
доцент Алексеев Анатолий Анатольевич

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Челябинский государственный
университет»

Защита диссертации состоится «~~17~~» декабря 2008 года в ~~14~~ часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» по адресу: 620000, г.Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».

Автореферат разослан «~~13~~» ноября 2008 года

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор филологических наук, профессор М. А. Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования.

В антропоцентрической парадигме гуманитарного знания конца XX – начала XXI века феномен культуры имеет доминирующее значение. Философские, психологические, исторические, лингвистические, литературоведческие теории сходятся в одном: источник культуры лежит в мыслительной деятельности человека. Данное теоретическое положение можно проиллюстрировать высказыванием французского философа А. Моля: «...Культура по отношению к духовной жизни выступает как необходимый материал мысли, как нечто освоенное и наличное, как содержание. В качестве материала мысли культура – нечто данное, а мысль – то, что из него создают; мышление тем самым есть становление культуры».¹ Этот тезис получил развитие в трудах Д.С.Лихачева, который в статье «Память искусства и искусство памяти», подчеркивая функцию культуры «преодолевать время, соединять прошлое, настоящее и будущее», указал на «величайшую основу» культуры – память².

Для человечества проблема памяти является «первородной», так как возникла в древнем обществе как протест против забвения. Память – это средство передачи опыта, сохранения преемственности, в том числе и культурной. Достаточно заметить, что в греческой мифологии Мнемозина – богиня памяти – является матерью муз, а следовательно, и прародительницей всех видов искусства. К сожалению, история нашей страны знает немало фактов забвения и даже попыток уничтожения целых периодов культурного развития. Однако сейчас мы являемся свидетелями возрождения России, интереса к культурному прошлому страны. И в этом мощном историко-культурном процессе изучение культурной памяти, ее законов, функций и составляющих приобретает особую **актуальность**.

Культурная память существует в рамках «большого исторического времени»,³ что обеспечивает непрерывное культуротворчество, мобилизацию опыта прошлого в интересах настоящего. Предметом наследия в этих условиях являются как выдающиеся памятники художественного творчества, так и проявления народной культуры – сфера верований, нравственных и поведенческих установок. В сознании художника идеальные представления и понятия объективизируются и репрезентируются в художественном тексте посредством языка

1 Моль А. Социодинамика культуры. – М.: Прогресс, 1973. – С. 46.

2 Лихачев Д. С. Прошлое – будущему. – М.: Советская Россия, 1985. – С. 64.

3 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 330.

с помощью различных культурных кодов. Таким образом, историю культуры можно представить как непрерывное движение культурной памяти, как открытый диалог, в котором участвуют творцы и осваиваемая ими действительность – с одной стороны, факты (тексты) культуры и их реципиенты – с другой. В этом смысле неслучайно наше обращение к творчеству И. С. Тургенева – писателя, который имел колоссальный культурный кругозор, обусловивший интертекстуальную насыщенность его художественных текстов. Существование и рецепция произведений И.С.Тургенева в поле широкой культурной традиции достигается благодаря обилию различного рода цитации, которая понимается нами как система функционально-стилистических культурных кодов, обеспечивающих вневременной культурный дискурс.

Важно подчеркнуть, что данное диссертационное исследование выполнено в рамках кафедральной темы «Эволюция форм художественного сознания в русской литературе», что также является одним из критериев ее актуальности.

Объект данного исследования – повести И.С.Тургенева 1850–1870-х годов – не нов. Однако предпринятый нами библиографический обзор показал, что среди разнообразных подходов к анализу повестей данного периода (постижение мировоззрения писателя в связи с философскими идеями его времени, изучение автобиографических мотивов и элементов «диалога культур», выявление традиций и новаторства, изучение метода, жанрового и стиливого своеобразия), недостаточно изученным является их интертекст.

Изучение интертекста позволяет судить об объеме и содержании культурной памяти автора и его героев, о функциях культурной памяти в художественном тексте. Количество литературоведческих исследований, посвященных этому вопросу, ограничивается буквально единицами. Среди приоритетных исследований последних лет хочется отметить монографию Э.Д.Томпсон «Братья Карамазовы» и поэтика памяти¹. В своей работе профессор Кембриджского университета выявляет различные аспекты культурной памяти, которые Достоевский различными способами ввел в свой итоговый роман, анализирует их использование в качестве компонентов сознания героев, изучает диалогические взаимодействия между ними.

1 Томпсон Э. Д. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти / Пер с англ. Н.М.Жутовской и Е.М.Видре. – СПб.: Академический проект, 2000. – 344 с.

Имеющиеся в ряде статей и монографий пунктирно намеченные подходы к проблеме культурной памяти в повестях И.С.Тургенева, ее видах и способах репрезентации подтверждают тот факт, что данный аспект исследования творчества И.С.Тургенева начинает устанавливаться как один из наиболее перспективных¹. Однако внимание ученых в рамках избранной нами проблемы чаще всего сосредоточено на проблемах межкультурных связей, реже – на вопросах различного рода цитации, жанровых, образных, композиционных параллелях, проявлениях структур бессознательного в характерах героев. Таким образом, **актуальность** выбранной нами темы определяется назревшей необходимостью исследования принципов включения различных элементов культурной памяти в художественный текст, изучения функций культурной памяти в повестях И. С. Тургенева. Празднование 190-летия писателя придает нашему исследованию, посвященному проблеме культурной памяти, особое этическое значение.

Для анализа мы выбирали повести и тематически близкие им рассказы И.С.Тургенева 1850–1870-х годов, богатые интертекстом: «Гамлет Щигровского уезда», «Петр Петрович Каратаев», «Дневник лишнего человека», «Поездка в Полесье», «Ася», «Затишье», «Фауст», «Бригадир», «Несчастливая», «Странная история», «Живые мощи», «Степной король Лир», «Вешние воды». Избранные временные границы (1850–1870-е годы) позволили проследить творческую эволюцию писателя.

Итак, **предметом исследования** является интертекст тургеневских повестей 1850–1870-х годов, представляющий собой репрезентацию культурной памяти автора и его героев.

Цель работы: исследование функций культурной памяти в повестях И. С. Тургенева 1850–1870-х годов.

1 См.: Беляева И. А. Система жанров в творчестве И. С. Тургенева. – М.: Наука, 2005. – 375 с.; Данилевский Р. Ю., Тиме Г. А. Германия в повестях «Ася», «Вешние воды» // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества: Сборник статей. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1982. – С. 80-95; Мостовская Н. Н. «Пушкинское» в творчестве Тургенева // Русская литература – 1997. – № 1. – С. 28-37; Пронин В. А. Немецкие литературные реминисценции в произведениях Тургенева // И. С. Тургенев в современном мире: Сборник статей. – М.: Наука, 1987. – С. 276-287; Потапова Г. Е. «Гетевское» и «пушкинское» в повести И. С. Тургенева «Фауст» // Русская литература. – 1999. – №3. – С. 32-41; Созина Е. К. Архетипические основания поэтической мифологии И.С.Тургенева (на материале творчества 1830-1860-годов) // Архетипические структуры художественного сознания. Вып 1. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. – С. 60-98.

Достижение цели предполагает решение **следующих задач**:

- выявление направлений развития культурной памяти И. С. Тургенева, определение ее объема, условий и закономерностей актуализации, основных «узлов» культурного универсума;
- разграничение культурной памяти автора и культурной памяти героев его произведений;
- описание иерархической системы прецедентных текстов, составляющих содержание культурной памяти автора и его героев;
- изучение эволюции творчества И. С. Тургенева через анализ интертекста повестей 1850-1870-х годов;
- определение термина *культурная память*;
- изучение и описание «носителей» и компонентов культурной памяти внутри художественного текста, ее «инструментария».

Методологическую основу диссертации определяют семиотический (Ч. Моррис, К. Леви-Стросс, Ю. М. Лотман, Р. О. Якобсон), интертекстуальный (Ю. Кристева, Р. Барт, Ж. Женетт), нарратологический (Р. Барт, Ж. Женетт, Б. А. Успенский) пути исследования художественного текста. В культурологическом аспекте для нас значимы труды Д. С. Лихачева, Ю. С. Степанова.

При выделении функций культурной памяти в художественных текстах И. С. Тургенева нами были использованы следующие **исследовательские приемы**:

- выделение прецедентных текстов в их иерархии;
- анализ процесса наложения одних культурных знаков на другие, анализ их взаимодействия, взаимосвязи, что способствует постепенному, последовательному раскрытию характера героя;
- разделение культурных знаков между культурной памятью автора и культурной памятью героя;
- выявление эволюции в структуре культурной памяти автора и его героев, что позволяет выделить два этапа в творчестве писателя: 1850-е годы и 1860–1870-е годы.

Научная новизна диссертации заключается в описании и анализе компонентов культурной памяти И. С. Тургенева, в осуществлении

комплексного анализа повестей И. С. Тургенева 1850–1870-х годов с позиций семиотического, интертекстуального, нарратологического подходов к художественному тексту. В данной диссертации впервые в отечественном тургеноведении изучены функции культурной памяти автора и его героев.

Положения, выносимые на защиту.

1. Для повестей И. С. Тургенева 1850-х годов характерно сближение объема и содержания культурной памяти автора и его героев. Ядром культурной памяти являются тексты Гете и Пушкина, «вечный образ» Гамлета.
2. Цитация прецедентных текстов, их наложение и взаимопроникновение в повестях 1850-х годов позволила Тургеневу сформировать «Я-концепцию» «лишнего человека», а также создать на страницах произведений полемику по проблеме соотношения личного счастья и долга.
3. В повестях 1860–1870-х годов культурная память автора и литературных героев дифференцирована. Это позволило Тургеневу более объективно исследовать национальное своеобразие «вечных типов», наполнить новым содержанием сложившийся в 1850-х годах культурный концепт «тургеньевская женщина». В повестях данного периода ядро культурной памяти автора составляют тексты Шекспира, Данте, библейские, фольклорные, народно-героические образы.
4. Культурная память предполагает сознательное использование автором различных структур «чужого» текста. Культурная память – это матрицы художественного мышления, обеспечивающие вневременной дискурс.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования материалов и выводов исследования при чтении вузовского курса по истории русской литературы XIX века, в спецкурсах для студентов-филологов по проблемам творчества И. С. Тургенева, в практике школьного преподавания.

Апробация работы. Основные положения работы излагались в докладах на научных конференциях разных уровней: региональная научная конференция, посвященная 150-летию Д. Н. Мамина-

Сибиряка (Нижний Тагил, НТГСПА, 2002), Всероссийская научная конференция «Система и среда: Язык. Человек. Общество» (Нижний Тагил, НТГСПА, 2005, 2007), Всероссийская научная конференция «Homo legens в прошлом и настоящем» (Нижний Тагил, НТГСПА, 2007), Международная конференция «Пушкинские чтения» (Санкт-Петербург, ЛГУ, 2007), Всероссийская конференция с международным участием «Сказка: научный подход к детскому жанру» (Нижний Тагил, НТГСПА, 2008). Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры русской литературы Уральского государственного университета. Основные положения работы нашли отражение в восьми публикациях автора.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. Список использованной литературы включает 210 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** аргументируется актуальность темы, характеризуется степень разработанности проблемы, формулируются цель и задачи работы, обозначаются методологические принципы, определяется научная новизна, а также указываются положения, выносимые на защиту.

Глава первая «Роль культурной памяти в движении творческой мысли писателя» характеризует культурную память как феномен художественного творчества, а также определяет горизонты культурной памяти И.С.Тургенева. **Первый параграф главы «Культурная память как феномен художественного творчества»** посвящен обобщению культурологических, психологических и филологических представлений о культурной памяти, определению термина *культурная память*, выявлению и описанию «инструментария» культурной памяти.

В лексиконе современных гуманитарных наук для обозначения способности человека к запечатлению и творческому воспроизведению культурного опыта прошлого существуют словосочетания *память культуры* и *культурная память*. Понятие *память культуры* возникло в 1980-е годы. Им оперируют культурологи,¹ психологи², а также литературоведы, исследующие проблемы культурной тради-

1 Гуревич П. С. Культурология: Учебное пособие для вузов. – М.: Гардарики, 2003. – 336 с.

2 Ляудис В. Я. Память культуры // Мир психологии. – 2001. – № 1. – С. 8-13.

ции: Н. Меднис и Т. Печерская,¹ Д. С. Лихачев², Ю. М. Лотман³ и др. В то же время в современной лингвистике и литературоведении существует понятие *культурная память*, которое мы встречаем в работах Я. Ассмана⁴ и Д. Томпсон.⁵ Однако при очевидной семантической близости словосочетания не могут быть взаимозаменяемы. Семантика словосочетания *память культуры* может определяться как «память, принадлежащая культуре» (то есть именно в этом значении содержится указание на то, что память является функцией культуры). Семантика словосочетания *культурная память* является более сложной, так как помимо предыдущего значения содержит еще и оценочное (в этом случае прилагательное *культурная* становится качественным). Более того, *культурная память*, в отличие от *памяти культуры*, синтаксически предполагает наличие некоего субъекта, которому эта память принадлежит. Поэтому в рамках данной работы мы пользовались словосочетанием *культурная память*, имеющим более сложную семантику, предполагающим обязательное наличие субъекта (в контексте нашего исследования – личность И. С. Тургенева), что в полной мере отразило методологическую основу, цель и задачи нашей работы.

В современном литературоведении словосочетания *память культуры* и *культурная память*, несмотря на довольно частое использование, не приобрели общепринятого статуса терминов, не зафиксированы в литературоведческих словарях – в большинстве исследований они существуют как образные выражения. Первую попытку представить *память культуры* в качестве термина предпринял Ю. Б. Боров в энциклопедическом словаре «Эстетика. Теория литературы», где *память культуры* определяется как «художественная традиция, клише и матрицы художественного мышления, жанры».⁶ Попыток описать *культурную память* как термин, по нашим сведениям, до сих пор не предпринималось, хотя это словосочетание входит в один смысло-

1 Меднис Н., Печерская Т. Роль метатипа в аспекте «памяти культуры» // Философские проблемы взаимодействия литературы и культуры. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета. – С. 27-34.

2 Лихачев Д. С. Прошлое – будущему. – М.: Советская Россия, 1985. – 450 с.

3 Лотман Ю. М. Память культуры // Лотман Ю. М. Семиосфера – СПб.. Искусство – СПб, 2004. – С. 614-621.

4 Ассман Я. Культурная память: письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368с.

5 Томпсон Э. Д. «Братья Карамазовы» и поэтика памяти / Пер с англ. Н.М.Жутовской и Е.М.Видре. – СПб: Академический проект, 2000. – 344 с.

6 Боров Ю. Эстетика Теория литературы. Энциклопедический словарь терминов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ». – 2003. – С.287.

вой ряд с терминами, характеризующими генезис художественного творчества: *преемственность, наследие, традиция и новаторство, большое историческое время*, — а также может определяться ими, что позволяет сделать вывод о необходимости признания *культурной памяти* термином современного литературоведения.

Понятие *культурной памяти* интегрирует в своем значении семы близких по значению литературоведческих терминов. *Традиция* (от лат. *tradition* — установившееся издавна мнение или привычка) — это опора на опыт предшествующих эпох, актуализация культуры прошлого в интересах настоящего путем творческого *наследия* художественного опыта. Важно отметить, что такого рода *преемственность* предполагает и *новаторство* — созидательный фактор традиции, открытие новых путей в художественном творчестве, что обеспечивает культуротворчество, мобилизацию опыта прошлого в интересах настоящего, активное взаимодействие «большого» и «малого» исторического времени. Процессуальность *культурной памяти* подчеркивает понятие *большого исторического времени*. Этот термин был сформулирован М.Бахтиным по аналогии с «малым историческим временем», в котором живет и творит художник. В этом ключе «большое историческое время» является эпохой «длительного и сложного процесса созревания» художественного произведения в «могучих течениях культуры (в особенности низовых, народных)»¹. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в семантике термина *культурная память* органично взаимосвязаны значение *процессуальности, признака процессуальности* (каким именно образом происходит наследование информации в потоке времени) и *предмета* наследования.

Изучив психологические и культурологические труды, мы выяснили, что культурная память связывает воедино логические структуры психики человека и эстетическое чувство. Таким образом, сознание и подсознание художника объединяются в один творческий процесс, «инструментарием» которого являются различные группы знаков, образующих семиотическое поле культуры, а также культурные универсалии, представленные архетипами, мифами и культурными концептами. Осуществить передачу информации в рамках культурного дискурса позволяют различные виды цитирования, актуализирующие прецедентные тексты, прецедентные сюжеты и прецедентные имена. Семиотико-интертекстуальная методология проведенного исследования позволила нам трактовать *культурную*

1 Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — С.330-331

память как матрицы художественного мышления, обеспечивающие вневременной дискурс. Такое определение культурной памяти, с нашей точки зрения, позволяет осознать многие литературные (и шире – культурные) явления как компоненты одной системы.

Важно отметить то, что наше понимание культурной памяти не тождественно понятию интертекстуальности. Интертекстуальность не затрагивает личность авторской индивидуальности, так как в ее концепции изначально заложена идея «смерти автора» (Р.Барт, Ю.Кристева), а культурная память предполагает сознательное использование автором единиц «чужого текста», она избирательна и имеет творческий характер. Вместе с тем, характеризуя содержание культурной памяти, ее проявление в художественном пространстве текста, уместно употреблять термин *интертекст* (например, интертекст повести И. С. Тургенева «Фауст»).

Обращаясь от теоретического освещения проблемы культурной памяти к характеристике мировоззрения И.С.Тургенева, мы исходили из того, что любой художественный текст как феномен культуры, представляющий собой неповторимое смысловое образование, является носителем культурной памяти его автора. В связи с этим изучение творчества писателя – это постижение не столько объективного мира его художественных текстов, сколько проникновение в субъективный мир автора, отраженный в его произведениях. Определить составляющие культурной памяти, которые наметили основные векторы творчества И.С.Тургенева, их истоки, эмоциональный фон – исследовательские задачи **второго параграфа «Мировоззрение И. С. Тургенева: горизонты культурной памяти».**

Известно, что Тургенев являлся одним из наиболее образованных людей своей эпохи. Чрезвычайно важна и его роль популяризатора русской культуры на Западе. Берлинский университет, свободное владение несколькими иностранными языками, эстетика Шеллинга, диалектическая философия Гегеля и Гете, увлечение философией Шопенгауэра, литературно-художественные переводы, литературно-критические статьи и эссе, отношение Тургенева к творчеству Данте, Шекспира, Сервантеса, Прево, Гете, Пушкина позволили нам определить широту его культурной компетентности, сложность его мировоззренческой позиции, выявить основные прецедентные тексты, определить границы авторской мифологии, а также судить о новаторстве Тургенева в области философии и литературной критики. Особого внимания, по нашему мнению, заслужи-

вает статья «Гамлет и Дон Кихот», в которой писатель не выдвигает на первый план анализ локальных явлений культуры, не анализирует образы известных литературных героев, а создает принципиально новую систему вневременных «прафеноменов», анализирует общественно-политическую и социально-психологическую сущность исследуемых типов личности. В тексте диссертации нами произведен подробный сопоставительный анализ исследуемых «прафеноменов» по различным критериям соотношения их качеств: внешность, социальная принадлежность, проявление его, интеллект, источник страдания, отношения с «людской массой», отнесение к смеховой культуре, возможности типизации и т. д. Так мы выяснили, что в основу сопоставления типов Гамлета и Дон-Кихота Тургеневым был положен принцип отношения к идеалу, который породил нравственный дуализм: эгоизм — альтруизм, невозможность любить — чистота и сила чувств, безверие, скептицизм — вера в истину, развитый ум — ограниченность ума, слабая воля, трусость — бесстрашие в борьбе, рефлексия — духовная ограниченность, бесполезность для «массы» — способность повести за собой. Важно подчеркнуть, что по мысли Тургенева, ни один из характеризующих им социально-психологических типов не должен абсолютизироваться в обществе, так как «вся эта жизнь есть не что иное, как вечное примирение и вечная борьба двух непрестанно разъединенных и непрестанно сливающихся начал».¹⁵ Таким образом, диалектическое мировидение И. С. Тургенева обозначило проблему существования героя, способного соединить идею и ее воплощение в жизнь. Поиск истины о человеке и стал диалектикой философских исканий Тургенева — от идеалистического оптимизма философии Шеллинга, Гегеля, Гете до ощущения трагизма бытия в философии Шопенгауэра. Путем анализа личных писем, публицистических работ, критических статей мы выяснили, что духовным ориентиром Тургенева было творчество А. С. Пушкина, являющееся ядром его культурной памяти. В процессе художественного творчества «заимствованный» у Пушкина литературный материал подвергался обработке, персонифицировался, что влекло за собой создание новых художественных форм. Так, например, мотивы пушкинской лирики «возвращения к себе», «возвращения к своему дому, своим корням», выразились в творчестве Тургенева не только в виде

¹⁵ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 томах. / Под ред. М. П. Алексеева. — Изд. 2., испр. и доп. — Т. VI. — М.: Наука, 1981. — С. 341.

проблемы поиска человеком самого себя, возвращения в «дворянское гнездо», но и в художественной форме прозаических произведений (письмо, дневник, рассказ-исповедь). Следуя пушкинскому «культурному вектору», Тургенев решал проблемы смысла жизни, судьбы, подлинного и мнимого предназначения, размышлял об индивидуализме человека, о его социальной сущности, познавал самого себя, актуализируя при этом философские системы, литературные произведения и «вечные» образы западноевропейской культуры, являющиеся неотъемлемой частью его сознания.

Вторая глава «Роль культурной памяти в раскрытии авторской концепции героя» посвящена исследованию проблемы предназначения человека в творчестве И. С. Тургенева 1850-х годов. При этом основное внимание уделялось социально-типическому аспекту проблемы «лишнего» человека (параграф первый «Лишний человек как «Я-концепция» героя рассказов и повестей И. С. Тургенева 1850-х годов»), а также вневременной аксиологической проблеме личного счастья (параграф второй «Концепт счастья в повестях И. С. Тургенева 1850-х годов»).

В рассказах и повестях 1840–1850-х годов Тургенев использовал ресурсы своей культурной памяти, соотнеся «вечный» образ Гамлета с характеристикой «лишних людей». При этом основной психологической чертой, связывающей образ русского человека 1840-1850-х годов с образом датского принца, является способность к самосознанию, рефлексии, отслеживанию своих внутренних психологических процессов. В результате такой сложной психологической деятельности у личности формируется «Я-концепция» – образ самого себя. С целью объективного изображения психологического автопортрета героя, максимального раскрытия его «Я-концепции» Тургенев использовал различные жанрово-стилистические возможности малой прозы: эпистолярный жанр, жанр дневника, рассказ-исповедь, а также повествование от первого лица. Анализ нарратологической структуры произведений позволил нам говорить об авторской иерархии созданных образов «лишних людей» (*Петр Петрович Каратаев – Гамлет Щигровского уезда – Чулкатурин – герой повести «Поездка в Полесье» - господин Н. Н.*). В этой системе тургеньевских героев наблюдается развитие меры доверия к персонажу, что выражается в последовательном формировании сознания, максимально приближенного к авторскому.

Петр Петрович Каратаев цитирует по памяти монологи Гамлета, «Я-концепция» Василия Васильевича раскрывается в просьбе «назовите меня Гамлетом Щигровского уезда», самоопределение Чулкатурина – «лишний человек». Герои рассказов и повестей 1850-х годов – образованные люди, получившие философское образование, их образ мышления, объем культурной памяти во многом близки авторскому сознанию. Их «лишность» – это прежде всего не результат социальных проблем России XIX века, а некая этико-эстетическая категория, выразившаяся в созерцательности, болезненном безволии и неумении строить отношения с окружающим миром. Корни мировоззрения героев кроются в философских системах Гегеля и Гете, где природа выступает как вечная диалектика, как вечное единство и борьба противоположностей. Эта философская концепция в полной мере раскрывается в повести «Поездка в Полесье», где лирический герой ощущает себя «лишним человеком» не только в пределах человеческого общества, но и в более широкой сфере природы-космоса. Таким образом, понятие «лишнего человека» у Тургенева приобретает особый экзистенциальный смысл.

Повесть «Ася», в отличие от вышеперечисленных произведений, где точка зрения литературного персонажа совпадает или частично совпадает с авторской, обладает более сложной нарративной структурой. Культурная память героев – Н. Н. и Аси – служит утверждению их «Я-концепции», культурная память автора – концепции произведения. Для Н. Н. основными прецедентными текстами являются «Фауст» Гете, поэзия Шиллера, миф о Пигмалионе и Галатее. Точка зрения Аси на отношения с Н. Н. раскрывается постепенно: Доротея, Лорелея, затем – пушкинская Татьяна. «Примеряя» на себя образ Татьяны Лариной, Ася подсознательно проецирует образ Онегина на своего возлюбленного. Эта соотнесенность соответствует и авторской идее, как в трактовке образа Н. Н. как «лишнего человека», так и в развитии взаимоотношений героев, которые с авторской точки зрения напоминают также историю Вильгельма Мейстера и Миньоны, а также фабулу мифа о Геро и Леандре.

Поднятая в повести «Ася» проблема долга и личного счастья, стала центральной для повестей Тургенева 1850-х годов, среди которых особо выделяются «Затишье» и «Фауст». В этих произведениях концепт счастья также раскрывается через прецедентные тексты, характеризующие объем и содержание как культурной памяти автора, так и его героев.

Идейным центром повести «Затишье», позволившим автору расставить все акценты в характеристиках героев, предопределившим композицию повести и сюжетную развязку, является стихотворение А. С. Пушкина «Анчар». При этом следует заметить, что пушкинский текст остается как бы «за кадром» повествования, лишь иногда цитаты, прямые или неточные, помогают соотнести происходящие в повести события с прецедентным текстом. Символика, внутренняя сила «Анчара» отражают внутренний мир Марьи Павловны и предопределяют ее трагическую судьбу в условиях «чахлой и скупой» окружающей среды. Здесь исследуемая нами ранее тема «равнодушной природы» приобретает не элегическое, а трагическое звучание. Проецирование текста пушкинского стихотворения на события и образы героев повести, позволили Тургеневу заявить читателю об идейной и образной параллельности текстов. Возможно, в сознании Марьи Павловны образ Анчара мог быть связан с образом Веретьева как «лишнего человека». Ассоциативно эту тему развивают мотивы одиночества и в то же время избранности, противопоставленности мировому порядку, бесцельности существования. Также Веретьев мог пониматься героиней и как «владыка», подчинивший себе ее волю, но не ответственный за ее судьбу.

В повести «Фауст» «горизонт ожидания» формирует трагедия Гете. Прямая цитата из «Фауста» Гете «*Entbehren sollst du, sollst entbehren*» («Отречься должен ты, отречься») соотносит два художественных текста, подчиняет себе структуру тургеневской повести, двигает сюжет и композицию, руководит поступками героев, формирует их «Я - концепции», определяет эмоциональный настрой произведения. «Вектор» гетевского «Фауста» прослеживается как на уровне точки зрения героя, так и на уровне точки зрения героини – этой цели служит введенный образ книги, процесс чтения, ряд прямых цитат, аллюзий и реминисценций. На уровне авторской оценки Тургенев ввел в художественный текст еще одно прецедентное произведение, идея которого близка заявленному эпиграфу – «Евгения Онегина», «подсказав» своей героине верный, с его точки зрения, ответ в проблеме выбора между счастьем и долгом. Таким образом, возникла ситуация, когда два прецедентных текста, сосуществуя в новом художественном пространстве, пересеклись и дополнили друг друга. Это позволило автору высказать свою точку зрения на проблему, заявленную в повести, расширив при этом возможности культурного диалога с читателем.

Тургенев благодаря интертекстуальной насыщенности и сложной нарративной структуре своих произведений организует дискурсионное пространство. Сочувствуя своему герою, иногда иронизируя над ним, наделяя его сознание сходным объемом и содержанием культурной памяти, автор тем не менее является выразителем «сверхсознания», что позволяет ему предвидеть развязку сюжета, заявлять читателю путем репрезентации различных прецедентных текстов, символов и мифов о чертах своих героев, мотивах их поступков, о возможных путях разрешения философского конфликта. В художественном пространстве своих произведений Тургенев позволяет себе оспаривать философские позиции своих «учителей» – так, например, в повести «Фауст» осуществляется не только диалог между героями, между героями и автором, между автором и читателем, но и между Тургеневым и Гете. В гетевском «Фаусте» жажда счастья не корректируется чувством нравственной ответственности, в то время как для Тургенева важна моральная оценка выбранного пути к достижению счастья. В связи с этой целью автором создаются образы женщин, «Я-концепция» которых также формируется благодаря доминантным прецедентным текстам, но их освоение во многом носит «страдательный» характер и действует на героинь разрушительно. Именно женские образы, женские судьбы в анализируемых нами повестях и являются той моральной тургеневской мерой в философском полилоге о предназначении человека и возможности его личного счастья.

Исследованию функций культурной памяти в произведениях И. С. Тургенева двух последующих десятилетий посвящена **глава третья «Культурное» и «архетипическое» в рассказах и повестях 1860–1870-х годов».**

В первом параграфе «Национальное своеобразие «вечных типов» нами анализируются повести «Бригадир», «Степной король Лир», «Несчастливая», а также рассказы «Странная история», «Живые мощи», в которых Тургенев стремится приблизиться к тайнам русской «сути». В этих произведениях писатель создает образы, воплощающие коренные черты национального характера, в своей силе сопоставимые с библейскими, героико-историческими и литературными «вечными образами». Это способный на сильное чувство и самопожертвование русский «Вертер» Гуськов; Сусанна, силой своего характера сопоставимая с библейской тезкой; Софья и Лукерья – смиренницы, способные совершить жертвенные поступки; властный и гордый Мартын Харлов, раскаявшийся и страшный в своем

бунте. Используя прямую цитацию, реминисценции, приемы композиционной и сюжетной аналогии с широко известными прецедентными текстами, а также используя фольклорный материал, Тургенев изучает мощную иррациональную энергию русского народа, которая может проявиться как в служении людям, полном альтруизме и самопожертвовании, так и в неумеренной гордыне и разрушительном бунте. Чрезвычайно важным наблюдением является то, что, изучая национальный характер, автор старается раскрыть его на материале национальных архетипов других стран (в отличие, например, от Достоевского). Так на «культурной» почве трагедии Шекспира автором создана концепция национальной жизни, национального характера, репрезентующего эпилептоидную акцентуацию характера героя от бунта до смирения и всепрощения. Пройдя через «культурный» обряд разделения имени и через «природный», сказочно-архетипический обряд разрушения дома, герой, умирая, все-таки приобретает душевную гармонию.

Нарратологическая структура произведений этого периода существенно отличается от повестей 1850-х годов. В повестях «Бригадир», «Степной король Лир» главные герои – «коренные» русские натуры конца XVIII – начала XIX века, уровень культуры которых не позволяет включить в свою «Я-концепцию» сопоставление с «вечными» литературными образами. Проецирование на личность Гуськова образа Вертера, а на Харлова образа короля Лира является позицией «культурного» автора. Однако нельзя сказать, что герои произведений этого периода не формируют свою «Я-концепцию». Они делают это, исходя из возможностей своей культурной памяти. Так, Мартын Харлов сравнивает себя с ветхозаветным царем Навуходоносором, а Акулина (героиня рассказа «Живые мощи») проецирует на собственную судьбу нравственный и гражданский подвиг, совершенный «святой девственницей» Жанной д'Арк. Сложнее структура повести «Несчастливая», где образное соотношение Сусанны с Ревекой, героиней романа В. Скотта «Айвенго» является точкой зрения самой героини, сопоставление с «вечными образами» Джульетты и Татьяны Лариной – точкой зрения «культурного» повествователя, а соотношение образа героини с библейской Сусанной – точкой зрения автора.

Проецирование образов литературных, библейских и героико-исторических «вечных» образов на носителей русского национального характера позволяет автору исследовать архетипическую суть

русского народа, которая проявляется в цикличности и двойственности. В творчестве Тургенева 1870-х годов амбивалентен и ставший вполне традиционным в эпоху 1850-х годов культурный концепт «тургеньевская женщина», анализу которого посвящен **второй параграф главы «Концепт «тургеньевская женщина» в повести «Вешние воды»**.

Название и эпиграф повести, составляющие для читателя «горизонт ожидания», несут семантику стремительных изменений. Действительно, образ «лишнего человека» 1850-х годов, культурно близкого автору, в этой повести существенно изменяется. Дмитрий Санин не проходит авторского «испытания» ни немецкой культурой, ни русской культурой, а «испытание» героя любовью позволяет обнаружить в его характере «коренную» амплитуду колебания: от рыцарского служения Прекрасной Даме до полного порабощения и унижения. В этой повести автор не характеризует своего героя с помощью ресурсов его культурной памяти, а само наличие/отсутствие культурной памяти становится авторской оценкой.

Привычная для читателя семантическая наполненность концепта «тургеньевская женщина», представленная культурными образами, рассыпается, обнажая культурную пропасть, нравственную пустоту и «выросшие из почвы» мифологические образы, несущие отрицательную семантику и эмоциональную окраску. Интересно, что в повести лучшими чертами национального образа русской женщины наделяется итальянка Джемма, репрезентирующая своей личностью образ Беатриче из «Божественной комедии» Данте, в то время как образ русской госпожи Полозовой, цитирующей «Энеиду» Вергилия, наделен отталкивающими чертами «змеиной» натуры.

Таким образом, в повести «Вешние воды» Тургенев создает диалектически сложную феминистичную концепцию жизни, двумя полюсами которой являются *земное – небесное*, выраженные в образах Полозовой и Джеммы. Образы этих женщин могут олицетворять собой различные воплощения богини Изиды, которая призвана восстановить мировую гармонию. Так в осмыслении писателя небесное и земное становятся неразрывными частями мироздания – любви, которая способна поднять человека на необозримую высоту духовного, так и опустить его на землю, принизить и растоптать.

В **заключении** нами определяются перспективы дальнейшей работы и обобщаются результаты исследования. Проведенный нами

анализ произведений позволил выделить следующие *функции культурной памяти* в повестях И. С. Тургенева 1850–1870-х годов:

- демонстрация эстетической сложности и эстетического совершенства текста, художественного мастерства И. С. Тургенева;
- расширение идейных, образных рамок художественных произведений, включение их в контекст мировой литературы;
- усложнение образной системы произведений путем соотношения героя с типом, «вечным» образом;
- раскрытие философских проблем «лишнего человека», соотношения личного счастья и долга;
- раскрытие в характерах героев соотношения «культурного» и архетипического, репрезентация проявлений русского национального характера;
- создание идейной полифонии путем «наложения» прецедентных текстов;
- разграничение «Я-концепции» героя, точки зрения повествователя и точки зрения автора.
- выявление сложной, часто противоречивой философской позиции И. С. Тургенева;
- создание скрытой этико-философской полемики И. С. Тургенева со своими «учителями». Например, в отличие от Гете, Тургенев в «Фаусте» на первый план выдвигает нравственную проблему.

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах:

I. Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале, рекомендованном ВАК РФ:

Свахина О. В. Функции культурной памяти в повестях И. С. Тургенева / О. В. Свахина // Известия Уральского государственного университета. – 2008. – № 59. Серия 2. Гуманитарные науки. Вып. 16. – История. Филология. Искусствоведение. – С. 336-343.

II. Другие публикации:

1. Свахина О. В. «Хорь и Калиныч» И. С. Тургенева и «В худых душах» Д. Н. Мамина-Сибиряка: проблемно-жанровые параллели / О.В.Свахина // Художественное, на-

- учно-публицистическое и педагогическое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка в современном мире: Материалы региональной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Д. Н. Мамина-Сибиряка (23-24 октября 2002 г.) / Отв. ред. И. В. Милостной. – Нижний Тагил: Нижнетагильский государственный педагогический институт, 2002. – С. 39-43.
2. Свахина О. В. Цитата как средство культурного диалога автора и читателя (на материале повести И. С. Тургенева «Фауст») / О. В. Свахина // Система и среда: Язык. Человек. Общество: Материалы Всероссийской научной конференции, Нижний Тагил, 4-5 апреля 2005. / Отв. ред. В. П. Конева. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2005. – С. 124-126.
 3. Свахина О. В. Культурная память героя в повести И. С. Тургенева «Фауст» / О. В. Свахина // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей НТГСПА. Вып. 7 / Научный редактор С. А. Ноздрин. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2005. – С. 81-94.
 4. Свахина О. В. Концепт счастья в повести И. С. Тургенева «Затишье» (опыт интертекстуального анализа как средство самореализации Человека Читающего) / О. В. Свахина // Homo legens в прошлом и настоящем: Материалы Всероссийской научной конференции, Нижний Тагил, 23-24 мая 2007 года / Отв. ред. О. В. Рыжкова. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2007. – С. 221-227.
 5. Свахина О. В. Функциональные роли автора и нарратора в рамках культурного дискурса в рассказе И. С. Тургенева «Гамлет Щигровского уезда» / О. В. Свахина // Малая проза: жанры, авторы, стили. Материалы XII международной научной конференции «Пушкинские чтения» (6-8 июня 2007г.) / Под ред. Т. В. Мальцевой. – СПб: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2007. – С. 49-55.
 6. Свахина О. В. Разрушение дома как сказочно-архетипический мотив повести И. С. Тургенева «Степной король Лир» / О. В. Свахина // Сказка: научный подход к детско-

- му жанру: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 24-25 апреля 2008 года: В 2-х частях. – Ч. 2. / Отв. ред. А. Н. Садриева. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2008. – С. 52-57.
7. Свахина О. В. Проблема личного счастья в повести И. С. Тургенева «Ася» (опыт интертекстуального прочтения) // Система и среда: Язык. Человек. Общество: Материалы Всероссийской научной конференции, Нижний Тагил, 19-20 апреля 2007 / Отв. ред. В. П. Конева. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2008. – С. 234-239.

3

Подписано в печать 06.11.2008. Формат 60 × 84 1/16. Бумага для множительных аппаратов. Гарнитура “Таймс”. Печать офсетная (на ризографе). Усл. печ. л. 1,21. Уч.-изд. л. 1,31. Тираж 120 экз. Заказ № 183.

Оригинал-макет изготовлен в РИО НТГСПА.
Отдел издательских и множительных систем НТГСПА.
Адрес: 622031, Г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57.